

СКАРАБЕЙ

лиловый холод ляжет на ресницы,
как только, лапкой шевельнув своей,
перевернёт последние страницы
волшебный жук, небесный скарабей,

и алфавит уже не будет прежним,
и, с каждой буквой чувствуя родство,
ты вновь увидишь зрением нездешним
изнанку мира, света естество,

и станет речь твоим числом и кровом,
зелёной кровью, хлорофиллом снов,
и ты себе приснишься полусловом,
готовым с губ слететь подобьем слов,

и так восстав из тлена и бессилья,
суглинков бедных и бесплодных глин,
ты вновь расправишь жёсткие надкрылья
и сладковатый ощутишь хитин,

но если плоть не обернётся словом,
кому ещё прошелестит листва,
когда повеет холодом лиловым,
и пустоту завесит синева,

и с тишиной опять сольются звуки,
и он увидит в мареве скорбей,
как золотистый шар лучисторукий
по небу катит новый скарабей...

***

говори, говори со мною,
говори, даже если свет
обернётся такою тьмою,
из которой возврата нет,

говори, даже если губы
лубяная сведёт тоска,
полоумные лесорубы
ждут безумного лесника,

говори, говори дыханьем,
криком, шёпотом, немотой,
яблонь розовым полыханьем,
горем, радостью, всей собой,

чтобы время не шло, а пело —
до предела, до той поры,
как вонзятся в глухое тело
милосердные топоры...

ОВЧАРКА, ЗЕРКАЛО, МАЛЬЧИК, СТАРИК И БУДДА

(два стихотворения)

1.

с мечом картонным и лошадкой,
издав победоносный крик,
заглянешь в зеркало украдкой,
а там — собака и старик,
поймешь, что нет в отваге смысла,
уткнешься в теплое, смятен,
но кто из вас кому приснился,
не прояснит и новый сон...

2.

вернешься дать воды овчарке
и в зеркало согласишься впрок,
а там — на лошади-качалке
с мечом картонным юный бог,
забудешь, где ты и откуда,
кто в зеркале из вас, кто вне,
овчарка спит, ей снятся будда,
старик и мальчик на коне...

***

ввысь по холмам лазурным, по синим кручам,
млечной не убоявшись и той, что за ней, стерни,
в будущем больше прошлого, чем в текущем
нынешнем, орошающем эти дни,

мысль обрётённая, маленькое цунами,
сущее опрокидывает, как грааль,
всё, что мы видим, видим не мы, а нами
всматривается в иную даль,

катятся звуки полыми валунами,
этот орган без клавиш, одна педаль,
всё, что мы слышим, слышим не мы, а нами
вслушивается в иную даль,

мнимое исчислимо, как на бирнаме,
подлинное — вне меры, границ и вех,
всё, что мы любим, любим не мы, а нами
делится неделимым, одним на всех,

голову запрокинь без полей и скобок,
солнечный блик на коже, весенний спам, —
всё, что возьмём с собой, как пойдём бок о бок
ввысь по лазурным кущам, по синим снам...

***

человек надевает пальто,
чувствует, что не то,
вроде его и пальто и дом,
но как-то не эдак ему сегодня и там и в том,
он отпихивает кота, мурлычущего у ног,
кот поджимает хвост, думает: тоже мне полубог,
думает: тяжело, видать, на таких двоих,
думает: стал человеком, не узнает своих...

МАЛЕНЬКИЕ ПОДНЕБЕСНЫЕ ЭЛЕГИИ

1.

одинокому взгляду негде остановиться,
говорил бо фу, разливая чай,
разве что пугливая прилетит синица,
приютит бездомного невзначай,
мысль — единственное прибежище человека,
ночью все мы сироты, даже и в парче,
говорил он медленно, смерть — всего лишь дверка,
и синица прыгала на его плече...

2.

посох, поводья, подводные корабли,
птицы железные, облачная плерома,
что ж, очутиться за тысячу ли
можно, не выходя из дома,
тихо бо фу бормотал, убавляя свет,
ты далека, но память полна свеченьем,
сущее неделимо, и ближе нет
в мире двоих за чаем своим вечерним...

3.

пепел и персть — а другой и не будет пищи,
нет воронью поживы, не вьется тучей,
ищуший обращается в то, что ищет,
большая часть пути — это сам идущий,
думал бо фу, если мысль — то река, то лодка,
что ею движет: солнечный взгляд с порога,
утренний золотистый пушок у локтя,
голос пророка, небо в глазах пророка...

***

он говорит говорит я дал тебе алфавит говорит я дал тебе мир и меру
время я дал тебе говорит и всякую мысль и свет наделил тебя сим и тем
ты из тыщи тыщ нищете чету на щите тцету утвердил возлюбил химеру
падаешь падаешь в персть человечью млечью внечеловечью темь
александрийские библиотекари чащи чаши чаны черного молочая
рыб уже гласных нет и согласных птиц последний корчится козодой
буквы такие маленькие а жизнь такая большая
он говорит говорит говорит и гасит гасит звезду за звездой...

***

дождь лил и лил, лиловы были дни,
когда тебя оплакивали в вышних,
как будто став подобием родни,
или собрав причастных на девичник,

металось пламя чёрное в груди,
и тьма росла, и звуки мира глохли,
и смерть твоя стояла посреди
осенних вод, вся в пурпуре и охре,

и смерть твоя сочилась между строк,
и корчилась, и сладко ухмылялась,
что не сумел, не смог, не устерёг,
что всё в сравненье с ней — тцета и малость,

дождь лил и лил, и словно вторил ей,
что всякое смешно обетованье,
что все слова в любом из словарей —
её земных имён чередованье,

а я твердил, что скоро им в закут,
что ты вот-вот, устав от их занудства,
шепнёшь: апрель, — и вишни зацветут,
шепнёшь: весна, — и пеночки вернутся,

пусть мы ничто и меньше, чем петит,
неотличимы от песка в пустыне,
но пеночка уже летит, летит,
летит назад из залетейской стыни.

ДВА ПИСЬМА

лене элтанг

1.

пишет молочнику булочник: знаешь, анри,
жизнь обветшала, не просит и малой краюшки,
сил на полушку уже, и, куда не сверни,
всюду зима да земных сторожей колотушки,
видно, обнимемся скоро и, как ни крути,
вновь попируем у клёнов под сплетни сороки,
ты же, наверное, главный на млечном пути,
вот и подумай о булочной рядом дороге...

2.

пишет молочник: мой добрый, мой славный рене,
дружба прочней естества и устойчивей к порче,
как же я рад прилетевшей сегодня ко мне
весточке этой по телепатической почте,
булочный домик с пекарней закончат вот-вот,
здесьние клёны тенистей земных и просторней,
будем смотреть на течение медленных вод
и наблюдать за одной из всемирных историй...

***

и эта осень такая-сякая,
такая-сякая, да,
что мы друг в друга летим, сияя,
как в омут летит звезда,

и эта зима такая земная,
такая земная, да,
что мы друг в друге цветём, не зная
усталости и стыда,

и эта весна такая хмельная,
такая хмельная, да,
что мы друг друга поём, меняя
галактики и года,

и это лето такое цветное,
такое вот, боже мой,
что всё опять повторится весною,
и осенью, и зимой...